

Предисловие

В большинстве исследований по истории Халхингольской войны вопросы потерь сторон пленными, обращение СССР и Японии с военнопленными противника, а также со своими военнослужащими, возвратившимися из плена, практически никогда не рассматриваются. Как правило, авторы ограничиваются утверждением, что после окончания конфликта был произведен обмен пленными или сообщают число переданных Японии военнопленных — 88 человек 27 сентября 1939 года и 116 человек 27 апреля 1940 года, сообщая одновременно, что обмен производился из расчета «один за один», но не уточняя сколько советских военнопленных было возвращено японцами и не сообщая никаких других сведений.¹ В качестве курьёза можно упомянуть и о более экзотической версии, явившейся, по-видимому, следствием невнимательного чтения литературы: «27 сентября 1939 года Советский Союз выдал Японии 88 пленных, 27 апреля 1940 года японцы СССР вернули 116 человек».² Иногда встречаются, без указания источника, утверждения, что потери РККА пленными «по предварительным официальным советским сведениям» составили 216 человек.³ Единственным исключением является написанная в конце 1980-х годов монография Элвина Кукса,⁴ содержащая ряд ценных сведений о военнопленных обеих сторон и, в числе прочего — сведения о числе советских и японских военнопленных, переданных Японией и СССР в 1939 и 1940 годах. Согласно собранным им сведениям, основанным на японских документах и интервью с очевидцами, число переданных советских военнопленных составило 89 человек (87 в 1939 г. и 2 в 1940 г.), а японских военнопленных было возвращено 204 человека (88 в 1939 г. и 116 в 1940 г.). Однако, за отсутствием доступа автора к тогда еще советским архивным документам, ему пришлось отказаться от рассмотрения судеб красноармейцев и командиров РККА, прошедших японский плен, ограничившись лишь верным утверждением, что их ожидали тяжелые времена.

¹ Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. Вече, М., 2001, стр. 513 и др.

² Широкопад А.Б. Русско-японские войны 1904-1945 гг. Харвест, Минск, 2003, стр. 543.

³ Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. Вече, М., 2003, стр. 95.

⁴ Coox, Alvin D. Nomohan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990. На русский язык эта замечательная работа никогда полностью не переводилась, в переводе доступны лишь отдельные ее фрагменты, иногда без указания авторства.

В конечном итоге, в литературе на русском языке численность советских военнопленных до настоящего времени не названа. Равным образом не опубликованы и сведения об обстоятельствах и причинах пленения бойцов и командиров РККА, обращении с ними в японском плену, ходе переговоров по обмену военнопленными и действиях военно-политического руководства СССР по отношению к возвратившимся. Настоящее исследование до некоторой степени восполняет этот пробел.

Практически полное отсутствие публикаций по проблеме предопределило реконструкцию событий практически полностью на документальных данных, преимущественно документах Российского Государственного Военного Архива. Доступный исследователю материал — объяснительные записки бывших военнопленных, выводы следствия, приговоры военных трибуналов, документы прокуратуры и политических органов РККА — по своей сущности неизбежно противоречив. Вполне естественным образом интересы вернувшегося из плена (избежать обвинения в измене Родине, нарушении присяги, антисоветской деятельности) были диаметрально противоположны интересам следствия (установить факт добровольной сдачи в плен, передачи противнику сведений военного характера, недостойного поведения в плену, сотрудничества с противником). Вследствие этого бывшие военнопленные старались создать благоприятное впечатление о своих действиях, а следователи имели склонность трактовать показания не в их пользу. Определенный баланс в этом конфликте интересов поддерживали армейские политические органы и военные трибуналы, однако и они в своих выводах руководствовались не только собранными фактами, но и эмоциями, а иногда — и находились под давлением военного командования. Поэтому следует считать, что искажения действительной картины событий в документах значительны и ее восстановление требует тщательного учета личностей авторов документов и обстоятельств составления документов, а также привлечения сторонних источников. В этих условиях, осложненных отсутствием полного комплекта материалов следствия и крайней фрагментарностью сопроводительной переписки, однозначное восстановление обстоятельств, по-видимому, не представляется возможным — можно лишь говорить о создании максимально непротиворечивой картины.

Сложность восстановления истины иллюстрируется историей красноармейца 171-го отдельного моторизованного стрелково-пулеметного батальона 8-й мотобронебригады, попавшего в плен 6 июля 1939 года при отражении атаки японской пехоты и танков:

«...6-го июля в бою с японскими самураями ранило нашего командира старшину тов. Баранова, он стал звать о помощи, я бросился к нему на помощь, но не добегая до него, мне путь отрезали самурайские танки, я залег в окопе, крикнув командиру, чтобы он перестал кричать и стал бросать гранаты в танки, бросил 2 гранаты, затем, смотрю, бегут прямо на меня 2 саму-

рая, я открыл по ним огонь, один самурай упал, второй бросился обратно за ту сопку. В это же время с другой стороны услышал самурайский крик, я обернулся в ту сторону и увидел шагах в 16 или 20 от меня стоял самурай, размахивая шашкой и бросился ко мне, я выскочил из окопа встретить его штыком, но тут с правой стороны мелькнула возле меня самурайская фигура, который вдарил мне по голове прикладом, но приклад не попал в середину головы, а пошел вперед, и у меня от этого удара каска съехала с головы на лоб, но удар отразился на моей винтовке, винтовку выбило из моих рук, я от этого удара упал на колени, подняв голову увидел в щель, что возле меня прыгает самурай, хочет меня заколоть, я ухватил его правой рукой за штык, а левой за ствол и пригнул к земле. В это время подбежал самурай с шашкой и ударил меня ногой в левый бок, я упал. Тут насели на меня самураи, стали бить, стягивать снаряжение, я здесь еще раз крикнул последний раз: «командир, спасайся», и когда я уже был связан и лежа на земле в лапах самураев, я услышал в стороне, где лежал командир, взрыв, после взрыва я уже не слышал его голоса, просящего о помощи, здесь уже начались издевательства самураев надо мною, кто бил ногой, кто кулаком, кто топтал связанные руки и потом уже подошел ко мне самурайский офицер и обнажив наполовину шашку, стал водить по горлу, я плюнул на него и отвернулся, за это он меня ударил шашкой по голове, отчего я на время потерял сознание, когда я открыл глаза, меня опять подняли и хотели застрелить, но почему-то отставили и потащили за сопку, там били, затем посадили на танк сзади башни и отправили дальше. Когда подвели к офицеру, он ткнул шашкой и ударил в грудь кулаком, я упал на спину, мне завязали глаза и связали ноги...». Свидетелей, могущих подтвердить обстоятельства пленения, не было.

Следствие, однако, пришло к заключению, что «...**БУРНЯШЕВ Александр Данилович**, 1918 года рождения, член ВЛКСМ, красноармеец-кадровик 8 МББ. Прибыл на фронт 5 июля. В плен сдался с винтовкой в руках 6 июля. В плену фотографировался у подбитого танка с Герасимовым, инсценируя сдачу в плен. Разглашал военную тайну. Писал контрреволюционные листовки по заданию японцев. Высказывал желание остаться у японцев. Вывод: Судить за измену Родине...». Политотдел Фронтовой Группы, изучив отчет и материалы следствия, с osobистами в целом согласился: «...**Бурняшев Александр Данилович**, 1918 года рождения, член ВЛКСМ, кадровый красноармеец 8 МББ. Прибыл на фронт 5 июня. Взят в плен 6 июля. В плену фотографировался у подбитого танка с белым флагом, инсценируя сдачу в плен. Высказывал желание остаться у японцев. Вывод: предать суду за нарушение военной присяги...».

Приговор военного трибунала не оспаривал данные, собранные во время предварительного следствия. Александр Бурняшев был обвинен «в том, что он того же числа во время боевых действий оторвавшись от своего подразделения, при встрече с неприятельскими двумя солдатами также с оружием — винтовкой в руках и без сопротивления сдался в плен».

«Экипаж советского танка сдается в плен, июль 1939 года». Постановочная фотография, сделанная около 7-9 июля. «Танкист» с забинтованной головой – стрелок 171-го отдельного моторизованного стрелково-пулеметного батальона 8-й мотобронебригады красноармеец Александр Бурняшев, с белым платком – башенный стрелок танка 24-го отдельного танкового батальона 11-й танковой бригады красноармеец Алексей Герасимов. Красноармейцы были взяты в плен на разных участках фронта 6 июля 1939 года

Судебное следствие, однако, заметило, что на упомянутой фотографии, напечатанной в «Харбинском Времени» и растиражированной в иностранной (в том числе эмигрантской) прессе, Бурняшев отнюдь не позирует с белым флагом — белый носовой платок виден в руках совсем другого человека, красноармейца Герасимова. Военный Трибунал Забайкальского Военного Округа признал красноармейца Бурняшева виновным в добровольной сдаче в плен, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 193-22 УК РСФСР, предполагавшей применение высшей меры наказания. В целом трибунал, рассматривая дела бывших военнопленных, избегал расстрельных приговоров, предпочитая заменять их заключением в исправительно-трудовых лагерях, в большинстве случаев на 8-10 лет, чаще с конфискацией имущества и поражением в правах. Александр Бурняшев получил шесть лет. По-видимому, у председателя трибунала, военюриста 2-го ранга Пензина, имелись основания для предположения, что рассказ красноармейца об обстоятельствах пленения правдив, и что за сдачу в плен его судить нельзя. Косвенным подтверждением правдивости этого рассказа является забинтованная голова Александра Бурняшева на

фотографии из «Харбинского Времени», вполне соответствующая его описанию полученных при пленении травм. А старшина 171-го батальона Сергей Александрович Баранов, упоминаемый в объяснительной записке, действительно погиб 6 июля 1939 года — через несколько дней он был найден и похоронен в братской могиле у центральной переправы. Можно предположить, что трибунал счел (возможно, под прямым давлением политорганов) сам факт участия в съемке постановочной фотографии сотрудничеством с противником. Но судить красноармейца Бурняшова «за фотографию» было абсурдом даже в 1939 году, поэтому формально он был осужден за сдачу в плен без сопротивления — получив при этом срок, близкий к минимально возможному.

Если в случае с Бурняшовым документов достаточно, чтобы относительно точно восстановить обстоятельства дела, то во многих других их катастрофически не хватает, что неминуемо ведет к ошибкам в реконструкции.

К сожалению, изученный комплекс документов нельзя назвать полным. Так, например, не удалось выявить часть приговоров военного трибунала (на 4 человек из 38 преданных суду), более половины «объяснений», написанных вернувшимися из плена (42 из 82), первый список военнопленных, составленный непосредственно в процессе обмена 27 сентября 1939 года, а также ряд важных документов, определивших порядок обращения с военнопленными, в том числе указания Наркомата Обороны и Политуправления РККА за сентябрь-октябрь 1939 года.

Неполнота комплекса документов оставляет открытыми ряд вопросов, касающихся как численных данных (число и фамилии военнослужащих, попавших в плен ранеными, умерших в плену, демобилизованных после возвращения из плена вследствие ранений), так и ряда не отраженных в доступных документах обстоятельств. Также, остается слабо изученным вопрос о судьбе попавших в плен монгольских цириков. На большинство красноармейцев, возвращенных в части, уволенным по ранению и не подвергавшимся репрессиям, не удалось найти социально-демографических данных, что крайне затрудняет установление их дальнейшей судьбы.

Подготовка настоящего исследования была бы невозможна без помощи многих людей. В первую очередь автор хотел бы выразить свою признательность Игорю Сеченову, первым обратившему внимание на слабую изученность проблемы военнопленных Халхин-Гола, коллективу сотрудников РГВА, неизменно содействовавших в поиске документов, Сергею Абросову и Елене Цунаевой, прочитавшим рукопись и давшим ряд ценных замечаний, а также Екатерине Романенко, подвергшей текст жесточайшей критике и заставившей автора сделать его читаемым. В равной мере появление этой книги было бы невозможным без Анны Усачёвой и Наталии Колгарёвой, терпеливо подготовивших несовершенную рукопись к печати.

Кито – Химки, февраль–июль 2014 г.

Ю.С.

«Самурайские когти схватили меня...»

Неизвестный советский военнопленный, июль 1939 года

Первым пленным Халхингольской войны стал санинструктор 335-го отдельного автотранспортного батальона 11-й танковой бригады, временно прикомандированный к 175-му отдельному моторизованному стрелково-пулеметному батальону старшина Хаим Дроб.

28 февраля 1939 года, после очередного обострения положения на монголо-маньчжурской границе, командующий 57-м Особым корпусом комдив Фекленко приказал сформировать на базе дислоцированных в Ундурхане частей 11-й танковой бригады моторизованный отряд и на-

править его в «Тамцакский выступ» для усиления дислоцированной в этом районе монгольской 6-й кавалерийской дивизии. Отряд был сформирован в составе 175-го отдельного моторизованного стрелково-пулеметного батальона, 2-й батареи 354-го отдельного моторизованного артиллерийского дивизиона (самоходные установки СУ-12) и 3-ей бронероты 241-го автобронепатальона 9-й мотобронебригады. Командиром отряда был назначен старший лейтенант Афиноген Быков (командир стрелково-пулеметного батальона), поэтому в дальнейшем в переписке группа, усилившая части МНР в «Тамцакском выступе», именовалась «отрядом Быкова». 5 марта отряд прибыл в находящийся в 110 километрах от Халхин-Гола Тамцак-Булак, где и оставался до начала военных действий.

17 мая, после получения сообщений о перестрелках на границе и бомбардировке расположенной у озера Сумбэрийн-Цаган-Нур 7-й заставы пограничных войск МНР, комдивом Фекленко было приказано выделить из состава отряда Быкова разведывательную группу в составе стрелкового взвода, взвода противотанковой артиллерии и трех бронемашин ФАИ. Разведгруппе была поставлена задача произвести разведку на восточном берегу реки Халхин-Гол в районе

барханов, расположенных непосредственно севернее устья реки Хайластын-Гол, и установить наличие и силу противника в этом районе.

В 7 часов утра 20 мая стрелковый взвод из состава разведки и 2 сабельных эскадрона 6-й кавдивизии переправились вброд на восточный берег Халхин-Гола и начали разведку в направлении вышеуказанных барханов. На подходе к барханам, в 300-400 метрах от них, разведка была встречена сильным ружейно-пулеметным огнем. Перестрелка (предположительно с боевым охранением 8-го кавалерийского полка армии Маньчжоу-Го силой до одного сабельного эскадрона и двух взводов пехоты при 12 пулеметах) продолжалась около четырех часов. В ночь с 20 на 21 мая советско-монгольская разведгруппа отошла на западный берег Халхин-Гола, отсутствие санинструктора было обнаружено при переходе реки. Отбившийся от разведгруппы старшина Дроб заблудился в барханах и был захвачен баргутским разъездом, поиски его не дали результата.⁵ Через девять дней лондонское новостное агентство «Рейтерс» сообщило, что «...захваченный 20.5. в плен в районе Номон Хан советский майор Дропу заявил, что монгольские мотомеханизированные части укомплектованы советским персоналом».⁶ Однако в штаб 11-й танковой бригады сообщения «Рейтерс» не поступали, поэтому 27 июня приказом по бригаде за № 0022 старшина Дроб был исключен из списков части, как «героический погибший 29.5.39 г. в бою с японскими самураями при защите границ МНР». По стечению обстоятельств «первый пленный русский» оказался евреем, что оказалось несколько неожиданным для японцев, предполагавших столкнуться здесь, на правом берегу Халхин-Гола с монгольской кавалерией...

Вторым пленником японцев стал летчик-истребитель, начальник связи 3-ей эскадрильи 70-го истребительного авиаполка лейтенант Дмитрий Гусаров, попавший в плен столь же нелепо, как Хаим Дроб. 17 мая две эскадрильи этого полка (первая в составе 12 истребителей И-16, и третья, имевшая такое же количество И-15бис) были перебазированы в Тамцак-Булак «для выполнения особого задания» — прикрытия «отряда Быкова» и 6-й кавалерийской бригады. Начиная с 18 мая советские истребители ежедневно вылетали на патрулирование, перехват японских самолетов и разведку приграничной зоны, не пересекая, впрочем, реки Халхин-Гол. Расстояние от пункта базирования истребителей до района конфликта составляло более 100 километров и самолетам требовалось не менее 25-30 минут, чтобы оказаться над прикрываемыми частями в долине Халхин-Гола. Поэтому все вылеты на перехват оказывались безрезультатными, а сколько-нибудь продолжительное патрулирование было практически невозможным. Поэтому 21 мая, по мере активизации столкновений в приграничной полосе, для истребителей была

⁵ РГВА ф.32113 оп.1 д.212 л.1.

⁶ РГВА ф.32113 оп.1 д.291 л.19.

подготовлена полевая посадочная площадка в районе озера Баин-Бурду-Нур, в 60 километрах юго-западнее горы Хамар-Даба. Площадка располагалась в районе места постоянной дислокации 6-й кавалерийской дивизии, в безориентирной степи. Начиная с утра 22 мая на нее выбрасывалось от 5 до 9 самолетов, в течение дня находившихся на боевом дежурстве и вылетавших, по мере необходимости, на перехват самолетов противника; на ночь истребители возвращались в Тамцак-Булак.

Утром 24 мая на площадку засады из Тамцак-Булака перелетело 9 самолетов — два звена И-15бис и звено И-16, под командованием капитана Ивана Крупенина, военного комиссара 2-й эскадрильи. В 10.20 на площадку поступило сообщение с поста ВНОС о приближении с востока на высоте 5000 метров группы самолетов противника. После повторного сообщения «противник атакует», поступившего в 10.25, Крупенин поднял группу на перехват и вылетел сам в качестве ведущего звена И-16, вслед за ним вылетели звенья И-15бис, которые вели комиссар 3-ей эскадрильи старший политрук Николай Герасимов и лейтенант Иван Голов. Стремясь быстрее набрать высоту, командир перед вылетом приказал летчикам надеть кислородные маски и повел группу на форсированном режиме. Вылет не заладился с самого начала — лейтенанты Николай Карпов и Владимир Шорохов вылетели без масок, отстали от группы, и, не найдя площадку засады, ушли в Тамцак-Булак. Командир вышел к реке на 5500-6000 метрах, противника не обнаружил, развернулся на север и в течение следующих десяти минут шел вдоль Халхин-Гола. На следующем развороте он обнаружил потерю ведомых и приступил к розыску их в районе гор Хамар-Даба и Гуни-Тологой.⁷ Во время поисков сдал перегретый двигатель у И-15бис лейтенанта Голова, он распустил свое звено и ушел на площадку засады, но площадки не нашел и сел вынужденно в степи в 7 километрах западнее. Во время одного из разворотов потерялась еще одна машина, И-15бис с хвостовым номером «14», пилотируемый лейтенантом Дмитрием Гусаровым. Последним его видел пилот И-16 лейтенант Александр Лукашев, доложивший, что после снижения до 4000 метров Гусаров в полном порядке отошел от него в западном направлении. И он, и комиссар старший политрук Герасимов, утверждали, что Гусаров уйти через границу никак не мог и сидит где-то на территории Монголии.⁸

Поиски потерявшегося летчика начались в тот же день. На аэродром засады вылетел исполняющий обязанности командира полка майор Михаил Резник, в 18.40 он полным составом группы засады безрезультатно обследовал районы

⁷ На современных картах — Хойт-Гу-Ула.

⁸ Обстоятельства потери лейтенанта Гусарова восстановлены на основании журнала боевых действий 70-го истребительного авиаполка (РГВА ф.32113 оп.1 д.488 л.5-7) и шифротелеграммы Фекленко № 10, отправленной вечером 26 мая. (РГВА ф.37977 оп.1 д.73 л.5-6, входящий номер по нумерации шифровального отдела НКО № 10564/ш).

к востоку и северо-востоку от площадки. В 22.25 об исчезновении Дмитрия Гусарова было доложено лично Наркомому Обороны СССР Ворошилову, начальнику Генерального Штаба Шапошникову и начальнику Политуправления РККА Мехлису.⁹ Реакция Ворошилова была резкой, он отчитал командира 57-го Особого корпуса комкора Фекленко за задержку донесения и приказал немедленно доложить обстоятельства. Тем временем на следующее утро поиски возобновились. В 5.20 было выслано четыре И-15бис; одна пара разыскивала Гусарова в районе гора Хамар-Даба, озеро Самбурин-Цаган-Нур, гора Барун-Хан-Ула, озеро Ихэ-Тошигай-Нур, вторая обследовала полосу шириной около 20 километров по левому берегу Халхин-Гола. В 11.50 еще две пары И-15бис искали Гусарова в районе Самбурин-Цаган-Нур, гора Хухундур-Обо, озеро Нарин-Нур, сместив таким образом зону поисков дальше на запад. После их безрезультатного возвращения майор Резник пришел к выводу, что Гусарова надо искать южнее Тамцак-Булака и направил уже шесть И-15бис на осмотр районов горы Хале-Хол, горы Цубура, колодца Баин-Цаган, Морин-Обо, озера Кейку-Нур, колодца Хурэ-Худук, гор Дзирикэ и Цаган-Ула. Летчики снова вернулись ни с чем. 26 мая поиски продолжились. В 8 часов утра комиссар полка капитан Николай Мишин повел три И-16 на облет равнины Мэнэнгийн-Тал. Этот район пограничных конфликтов 1936-37 годов считался «нейтральной зоной», летчикам запрещалось туда летать, чтобы не провоцировать японцев. После возвращения звена Мишина в 13.20 два И-15бис расширили район поисков на юге, облетев горы Чуни-Тологой, Салхита и Цубура и колодец у Шинэ-Обо. Утром 27 мая поиски предпо-

Ну, а люди? Каковъ ихъ духъ, съ какими чувствами идутъ они въ бой?

Въ упомянутой выше газетѣ «На границѣ» читаемъ:

«Въ имѣвшихъ мѣсто между 20 и 27 мая воздушныхъ стычкахъ, вторгшіеся въ предѣлы Манчжу-Го совѣтскіе элементы МНР (Внѣшняя Монголія) обнаружили полную несостоятельность передъ самолетами силъ обороны Манчжу-Го.

Въ этотъ же періодъ, 24 мая, изъ Внѣшней Монголіи прилетѣлъ въ предѣлы Манчжу-Го и спустился у И-ска одинъ совѣтскій самолетъ МНР, управляемый совѣтскимъ военнымъ летчикомъ старшимъ лейтенантомъ Глусовымъ.

Послѣдній далъ при дознаніи слѣдующія показанія:

— Онъ, старшій лейтенантъ Глусовъ, былъ въ числѣ недовольныхъ безмысленностью боевыхъ приказовъ совѣтскаго командованія.

Участвовалъ въ послѣднихъ провокаціонныхъ вылазкахъ, которыя вскрыли несостоятельность совѣтской авіаціи передъ японской авіаціей и угасили у совѣтскихъ летчиковъ, являвшихся участниками данныхъ аскападовъ, всякій боевой элдоръ.

Старшій лейтенантъ Глусовъ рѣшилъ бѣжать со своимъ самолетомъ изъ МНР въ Манчжу-Го, чтобы отдаться подъ защиту властей Манчжу-Го, что онъ и выполнялъ.

Этотъ эпизодъ весьма краснорѣчивъ и симптоматиченъ, какъ свидѣтельство царящихъ въ рядахъ стаціонирующихъ во Внѣшней Монголіи частей авіаціи РККА СССР настроеній. Командованіе объединенныхъ силъ обороны Манчжу-Го взяло Глусова подъ свою защиту».

Фрагмент статьи «СССР и события на Дальнем Востоке», опубликованной в № 4189 парижской газеты «Возрождение» 23 июня 1939 года за подписью Лев Любимов

⁹ РГВА ф.37977 оп.1 д.73 л.4, шифротелеграмма Фекленко № 1 (вх. № 10523/ш).

лагалось продолжить, однако, после неудачного воздушного боя 22-го истребительного полка, командование ВВС 57-го особого корпуса было вынуждено переключиться на розыск сбитых и севших в степи самолетов. С перебазированием 70-го полка в Баин-Тумен на ремонт материальной части, после 26 безуспешных самолето-вылетов, поиски Дмитрия Гусарова были окончательно прекращены. Тем временем в японской, маньчжурской, китайской и французской печати были опубликованы щедро разбавленные фантазией журналистов японские официальные радиосообщения об «умышленной посадке лейтенанта Гросова (а также Глусова или Грузова) на территории Маньчжоу-Го...».¹⁰

Дело, однако, заключалось не в злом умысле, а в уровне штурманской подготовки лейтенанта Гусарова. За пять месяцев до злосчастного вылета на перехват, 27 декабря 1938 года, флаг-штурман 100-й авиабригады капитан Уланов принимал зачеты по штурманской подготовке у семи летчиков третьей эскадрильи 70-го истребительного авиаполка. На общую «четверку» не вытянул никто — трое летчиков получили «тройки», четверо «двойки». Дмитрий Гусаров был в списке предпоследним, с оценками: ведение личной карты — 3, умение читать карту — 2, знание приказа № 008 — 2, знание аэродромной сети — 2, знание территории МНР — 2, умение начертить схему МНР — 3, знание направления Калган — Долоннор — 2, знание Хайларского направления — 2... Худшую оценку сумел получить только лейтенант Николай Алексеев, 24 мая, кстати, удержавшийся в строю и ориентировку не потерявший.¹¹ В той ситуации, в которой оказался Дмитрий Гусаров 24 мая, ключевым было знание «приказа № 008», предписывавшего в случае потери ориентировки брать курс 270° и идти этим курсом до полной выработки горючего...

По возвращении из плена лейтенант Гусаров доложил, что после потери ориентировки он в течение часа искал площадку и, израсходовав топливо, приземлился в степи. Через некоторое время он был окружен группой японцев, отстреливался из пистолета, а когда закончились патроны — был пленен. Его самолет, И-15бис № 3816 достался противнику «в исправном виде и с полным вооружением».

Пленение старшины Дроба и лейтенанта Гусарова было скорее случайным стечением обстоятельств. В этот период обе стороны ограничивались перестрелками в пограничной полосе и воздушной разведкой, иногда японцы пытались перехватить советские самолеты связи, истребители 70-го полка этому препятствовали и один раз дело даже дошло до воздушного боя. Обстановка, однако, постепенно накалялась. К зоне конфликта подтягива-

¹⁰ РГВА ф.37977 оп.1 д.38 л.193.

¹¹ РГВА ф.32262 оп.1 д.22 л.272.

лись новые части, артиллерия и бронетехника, а указания местного военного командования обеих сторон становились все более решительными. 27 мая над долиной Халхин-Гола начались воздушные бои между истребителями, а утром 28-го на правом берегу реки столкнулись японо-маньчжурские и советско-монгольские части.

Как это ни удивительно, в сумбурных боях 28-29 мая японцами было взято очень мало пленных. Точное их число установить невозможно, так как некоторые из захваченных были убиты японцами вскоре после пленения.¹² Однако трое — красноармейцы 175-го отдельного моторизованного стрелково-пулеметного батальона Федор Гриненко и Степан Степура, взятые в плен ранеными в ходе неудачной атаки 2-й роты 28 мая и красноармеец 149-го мотострелкового полка Батыр Кайбалеев, сдавшийся ранним утром следующего дня, были вывезены на маньчжурскую территорию. Уже на следующий день японское новостное агентство «Домэй» сообщило о пленении в боях 28 мая 4 советских и 5 монгольских солдат, отметив в частности, что *«...пленные были весьма удивлены хорошим обращением к ним и особенно тем, что им дали сигареты и напитки»*. Подробности хорошего обращения, продемонстрированного, предположительно, солдатами 4-й роты 1-го батальона 64-го пехотного полка (командир роты поручик Сомейя Хацуо), изложил по возвращении из плена красноармеец Федор Гриненко: *«...Меня ранило, я упал и меня накрыли японцы, скрутили руки назад и потащили волоком за веревку. Дорогой я зацепился головой за куст, они дергали веревкой, точно бревно тащили. Притащили к машине, привязали к ней и стали издеваться. Избили до потери сознания. Потом подвели ко мне раненого японца, а он вырезал мне на левой ладони знак. Просил у них пить, а они бросали в лицо песок. В тылу допрашивали, но я ничего не сказал, тогда они схватили меня и бросили в прогоревший костер, меня очень жгло, но они еще накрыли каким-то тяжелым брезентом, я задыхался и не думал быть живым»*. В течение следующих нескольких дней агентства «Домэй» и «Кокуцу» распространили в прессе интервью с русскими пленными и фотографию девяти сидящих на земле связанных солдат. 2 июня агентство «Кокуцу» уже сообщало, что *«среди пленных имеется значительное число советских солдат еврейской, украинской и бурятской национальности»* (бурятом сочли ногайца Кайбалеева), а 5 июня было опубликовано интервью с тремя «русскими» пленными.¹³

¹² Здесь и далее упоминаются только случаи убийства японцами пленных, подтвержденные боевыми документами частей, списками потерь и политдонесениями ниже дивизионного уровня. Документы политотдела 1-й армейской группы и мемуарные свидетельства сознательно не использованы с целью исключения неverified эпизодов.

¹³ РГВА ф.32113 оп.1 д.291 л.2, 3, 21, 55. Здесь и далее сообщения новостных агентств приводятся в переводе, выполненном разведывательным отделом 57-го Особого Корпуса и 1-й Армейской Группы в июле-сентябре 1939 г.

Из числа военнослужащих РККА пропавших без вести в майских боях, из плена вернулось три красноармейца. Четвертым пленным был упоминавшийся выше младший политрук Александр Комаристый, убитый японцами 29 мая. Его труп был обнаружен при очистке поля боя в первых числах июня: *«...на поле боя подобран зверски изуродованный труп младшего политрука Комаристина — отрезан нос, выбиты зубы, голова пробита штыком»*.

Гибель Александра Комаристого впоследствии неоднократно была использована политотделом 1-й Армейской Группы для иллюстрации бойцам и командирам РККА возможных последствий сдачи в плен противнику, например в редакции *«...выбили зубы, раздробили челюсти, отрезали нос, выдавили левое яйцо, на спине и на руках вырезали звезды»*.¹⁴ Упоминание вырезывания на спине и руках звезд и отрезания носа можно было бы счесть пропагандистским преувеличением, если бы не одно обстоятельство. По возвращении из японского плена красноармеец Федор Гриненко, захваченный менее чем за сутки до пленения политрука Комаристого, продемонстрировал комиссии по опросу военнопленных «знак», вырезанный на своей ладони, а красноармеец Иван Поплавский, плененный в июле, в своем рассказе упоминал, что захватившие его солдаты хотели ему клинком отрезать нос. Особую жестокость обращения с Александром Комаристым можно объяснить демонизацией японцами образа политрука, которого всегда можно было опознать по нарукавным знакам в виде звезд.

Затишье, наступившее на Халхин-Голе после майских боев, закончилось 17 июня. Новый виток постепенной эскалации конфликта к первым числам июля привел к перерастанию его в полноценную войну. Одним из наиболее масштабных эпизодов начала этой войны было Баин-Цаганское сражение, развернувшееся ранним утром 3 июля, когда переправившиеся через Халхин-Гол три полка японской пехоты были последовательно атакованы частями 7-й мотобронеполка и 11-й танковой бригады, а затем и батальонами 24-го мотострелкового полка и монгольскими частями. Встречный бой был исключительно ожесточенным. Экипажи танков, подбитых и сожженных в глубине японской обороны, в случае пленения, как правило, сразу уничтожались, раненых беспощадно добивали. Реалии Баин-Цагана можно представить себе из отчета командира танка БТ-5 16-го отдельного танкового батальона Виктора Горбатенко:

«...3-го июля с.г. мы неожиданно получили приказ о выступлении с выжидательной позиции прямо в бой, перед нами лежал 50-км. марш. Все с напряжением ждали, когда мы вступим в бой. На марше все машины шли очень хорошо и трудно было нашему экипажу сделаться отстающим и потерять право участия в бою. Прийдя на исходную линию немедленно было сброшено все с машины, пушки и пулеметы вытерты

¹⁴ РГВА ф.9 оп.36 д.3541 л.611-612.

Вверху: согласно сообщениям японских новостных агентств «Домэй» и «Кокуцу» в боях 28-29 мая 1939 года японскими войсками было взято девять пленных — четверо красноармейцев РККА и пятеро цуриков 6-й кавалерийской дивизии МНРА. Снимок сделан, предположительно, 29 мая. В центре, вероятно, младший политрук Александр Комаристый.

Справа: двое пленных монгольских солдат.

Фотографии сделаны 28-29 мая в районе Номон-Хан — Бурд-Обо и опубликованы в первых числах июня 1939 г. в англоязычных газетах «Manchurian Daily News» и «Peking Chronicle». Публикуются по РГВА ф.32113 оп.1 д.291

и через 20 минут машины уже вышли в бой. Подходя к противнику, которого не могли определить где он, большинство экипажей ехали с открытыми люками и так как впервые приходилось встретиться в бою, и когда самураи открыли ураганный огонь, то здесь уже было все ясно и сам противник был обнаружен. Проходя вглубь противника все машины, а также и наш танк шли очень с большой скоростью и несмотря на то, что со стороны наших танков не было достаточного огня, противник был уничтожен и сломлен морально — ходом наших могучих машин. Проходя передовые линии противника в время атаки в наш танк было нанесено 4 прямых снаряда, которые из них попали — один в лобовую бронь, разбил сварку, 2-й прямой недалеко от ниши башни пробил 2 стенки, 3-й сбил сварку передних люков (петель) и последний прямой в борт, пробив бензобак и разорвался в моторе. Машина внезапно вспыхнула огнем, мы вынуждены были покинуть танк, не успев ничего взять с собой, в танке был ранен мех. вод. т. Волошин. Когда выскочили из машины по нас был открыт пулеметный огонь, которым я и башенный стрелок сразу были ранены. Выскочили не вместе, а примерно метров в 20 один от одного, двигаться назад возможности не было, так как огонь не давал возможности подняться. Я лежал около танка метров в 15, который горел. Прележав примерно 1 час по направлению к нам шли 12 японцев, которые подбирали своих раненых и двигались на нас. Мне нечего нельзя было сделать, как вытащить наган, взвести и положить под грудь и леч лицом вниз, раскинув руки в стороны. Когда ко мне подошли, конечно трудно описать то состояние, в котором я находился, но все же внешний вид сделан мной в это время не обратил никакого внимания на самураев и они видимо посчитали меня убитым. Подойдя к башенному, они услышали его стон и вытащив его револьвер застрелили. Я после этого, когда они скрылись имел целью продвигаться только к рике, т.е. глубже им в тыл, так как выхода иного никакого не было. Когда проходил эскадрон их конницы за склон горы, я пополз к ним в след и сразу же скрылся в овраге в камыше, оттуда к вечеру добрался ползком маскируясь в реке в кусты. Просидев до ночи, я начал двигаться по направлению обратно, но артиллерийский огонь и пулеметная стрельба сбила меня с курса и я попал на левый фланг за «Развалины» и только на 3 сутки я пришел в часть...».

Пленных было мало. Японские документы, как правило, сообщают, что экипажи подбитых и сгоревших танков и броневедомостей сопротивлялись до последнего и упоминают о захвате пленных как о явлении исключительно редком.

Тем не менее пленные были. Около 7 часов утра 9 броневедомостей 234-го автобронетанкового батальона 8-й мотобронетанковой бригады атаковали окапывавшийся

1-й батальон 71-го пехотного полка. В ходе боя был захвачен по крайней мере один член экипажа одного из подбитых броневедомств.¹⁵ Из плена он не вернулся. Через полтора часа, около 8.15-8.30, позиции 2-го батальона 72-го пехотного полка атаковали 8 танков БТ-5 3-ей роты 24-го танкового батальона 11-й танковой бригады, под командованием старшего лейтенанта М.П. Филатова. При этом один из танкистов, по советским данным пропал без вести, а по японским — был взят в плен.¹⁶ Однако изучение списков потерь 24-го батальона, составленных после завершения боев на Баин-Цагане показывает, что батальон 3-го июля не имел потерь пропавшими без вести — все убитые были найдены и похоронены. Вероятно, этот танкист был убит вскоре после пленения.

Во второй половине дня в сражение постепенно втянулись 16-й и 45-й танковые батальоны 11-й танковой бригады и 247-й автобронетанковый батальон 7-й мотобронетанковой бригады. Все эти части понесли тяжелые потери, в том числе пленными. Механик-водитель 16-го отдельного танкового батальона отдельный командир Борис Евдокимов в ходе атаки позиций 26-го пехотного полка был вынужден покинуть горящий танк и с тяжелыми ожогами был взят в плен: «...меня самураи взяли, связали руки и ноги проволокой и закрутили газовцами...». Еще двое танкистов, механик-водитель младший комвзвод Федор Лукашек и башенный стрелок красноармеец Афанасий Гермашев входили в экипаж БТ-5 45-го отдельного танкового батальона. Их танк во время атаки батальоном японских позиций на горе Баин-Цаган, оторвавшись от своей роты, прорвался в глубину неприятельской обороны. Здесь он был обстрелян пулеметным огнем, на танке загорелись брезенты и шинели. Командир танка (имя его установить не удалось) предположительно покинул горящую машину и был убит вне танка, люк башни остался открытым. После этого прослуживший в армии менее года красноармеец Гермашев остался фактическим командиром танка и начальником старшего по званию механика-водителя Лукашека, однако реально ситуацию он контролировать не мог. Лукашек задним ходом загнал танк в старицу реки Халхин-Гол, где он забуксовал и заглох; механик-водитель считал что он таким образом спас машину от захвата противником в исправном состоянии. Экипаж был взят в плен и немедленно сильно избит японцами, по свидетельству Федора Лукашека «Когда самураи вытаскивали из танка башенного стрелка Гермашева, после меня, то стали издеваться над ним, связали руки проволокой и ею же связали глотку так, что Гермашев не был даже в сознании. Самураи вместо воды сыпали

¹⁵ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 299.

¹⁶ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 302.

в рот и в глаза песок, Гермашев был весь синий от самурайского издевательства». Судя по имеющимся данным о расположении японских частей на Баин-Цагане, Гермашев и Лукашек были взяты в плен в расположении 10-й роты 3-го батальона 64-го пехотного полка (командир роты капитан Готоо Тикаси).

В 14.50 японцев атаковал и 247-й автобронеполк: «...не доходя полтора-два километра до переднего края обороны противника, командир батальона остановил батальон, с целью уточнить наблюдением расположение противника. В это же время к батальону подъехал комдив Жуков, приказав командиру батальона — выполнять задачу немедленно».¹⁷ Во время атаки командирский броневедомство было подбито и загорелось, командир батальона майор Владимир Стрекалов получил сильные ожоги и в бессознательном состоянии был взят в плен.

Обследование поля боя после отхода японцев за Халхин-Гол показало, что несколько красноармейцев и командиров в ходе боя были взяты в плен, но убиты японцами после пленения. Так, из числа экипажей бронемашин 247-го отдельного автобронеполка майора Стрекалова, были найдены трупы политрука Дмитрия Викторова, которому японцы «выкололи глаза, искололи штыками всю грудь», башенного стрелка красноармейца Григория Челомбитко, которого «положили на носилки, пронесли 100 метров, после чего отрубили голову», по другим данным — «замучили ударами в лицо и уже мертвому отрубили голову» и старшины Братовского, которого «изрезали тесаками до смерти».¹⁸ В послевоенных интервью японцы, как правило, утверждали, что захваченных на Баин-Цагане пленных не убивали. Так, например Нисикава Масаюки, по состоянию на 3 июля 1939 года майор и командир 1-го батальона 72-го пехотного полка, рассказывал, что трое танкистов (рядовых или младших командиров), взятых его батальоном, были эвакуированы в тыл.¹⁹ Тем не менее, ни один из танкистов, захваченных в расположении 1-го батальона 72-го пехотного полка, из плена не возвратился.

Несколько ранее переправы основных сил 23-ей пехотной дивизии через Халхин-Гол, 2 июля, в наступление на правом берегу перешел и «отряд Ясуока» (64-й пехотный полк, 3-й и 4-й танковые полки и 2-й батальон 28-го пехотного полка). Ему противостояли батальоны 149-го мотострелкового полка, 9-я мотобронеполк и 175-й моторизованный артиллерийский полк. Наиболее сильные удары вечера 2 июля и наступившей ночи пришлось по

¹⁷ РГВА ф.37977 оп.1 д.144 л.3.

¹⁸ РГВА ф.9 оп.36 д.3541 л.53, 612.

¹⁹ Coox, *Alvin D. Nomohan. Japan Against Russia*. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 636.

позициям 149-го полка, и расположенным в его боевых порядках батареям 175-го артиллерийского полка. В ходе боя несколько десятков красноармейцев этих полков отбились от своих отступивших подразделений. В течение следующих двух суток они, поодиночке и группами, бродили по степи, пытаясь выйти из расположения противника. Большинству это удалось, часть погибла в стычках с японцами и баргутами, но не менее 15 человек были пленены.

Злоключения одной из таких групп, состоявшей из пяти красноармейцев 149-го мотострелкового полка (Егора Валова, Тимофея Воронина, Ивана Давыдова, Ивана Клейменова и Мефодия Шияна), описал Тимофей Воронин:

«2 июля я попал в окружение японских самураев, нас окружили самурайские танки и ночью я отбил от своих и очутился с пятью людьми из пехоты. Всю ночь до рассвета искали выход к реке, но не могли найти и мы решили на день замаскироваться, ночью опять продвигаться. Дождались ночи и стали продвигаться, шли всю ночь, на рассвете впереди мы увидели самурайские машины, и мы решили опять замаскироваться и сидя в камыше решили продвигаться к своим, но нас заметил самурайский броневик и стал за нами наблюдать и мы все же [начали] продвигаться, но впереди себя заметили самураев. В одной ложине мы стали обсуждать в какую сторону продвигаться, но вдруг подошла японская машина и самураи набросились на нас, связали нам руки так, что руки вспухли, посадили в машину и везли в тыл, ширяли ногами».

Где-то рядом бродила, скрываясь от японцев, и вторая группа из пяти человек, в которую входили красноармейцы 149-го мотострелкового полка Петр Акимов и Григорий Топилин и младший комвзвод 175-го моторизованного артиллерийского полка Петр Еремеев. Эта группа, как и предыдущая, к утру 4 июля оказалась в районе сосредоточения японских танковых частей и повторила ее судьбу:

«Я, красноармеец Акимов Петр Степанович, части 5987 3-го батальона взвода связи прибыл на фронт 28 мая. Окружен был японцами 2 июля ночью и попал в плен 4 июля. Наш батальон был окружен все 2-е число танками и пехотой, был дождь, ночь темная и мне было дано приказание комиссаром батальона ехать на машине в тыл, когда он подбежал к моей машине и сказал: машину гони в тыл, я тут же поехал, но был окружен противником, дорогу они перерезали. Еще ко мне был прикреплен курсант ездить практически, был вместе со мной и при окружении я был с дороги сбит, заблужден и машину у меня разбило и окружали танками, пехотой, по нас открывали огонь, ну и мы открывали огонь, но пока до последних патронов и пришлось

отступить. К утру мы оказались в тылу у противника и мы стали искать где бы замаскироваться. Нашли осоку и замаскировались 3 числа до ночи и ночью обратно пошли, блудили всю ночь, никак не могли выйти. Утром смотрим обратно кругом ихние войска, находить стали обратно маскировку и так было время к обеду. Один из нас, отделенный командир, вышел из этой осоки на бугор, его заметили с наблюдательного пункта и прибыло японцев человек 40, окружили нас, но нам нечем было обороняться, было 3 винтовки, патрон не было. Из них одна винтовка была без штыка, нас было 5 человек, нас по одному посвязали и пешком повели, а одного из нас ранили в плечо, насквозь пуля вылетела...».

В ходе отражения первого удара группы Ясуока на правом берегу Халхин-Гола произошел еще один эпизод, восстановить обстоятельства которого пока не удалось. 3 июля были взяты в плен командир взвода учебной роты 406-го отдельного батальона связи лейтенант Георгий Еретин и шофер той же части красноармеец Филипп Самойлов. Есть основания предполагать, что они были захвачены солдатами 4-го танкового полка около 22.00 в районе озера Узур-Нур. В списке потерь батальона²⁰ Еретин и Самойлов значатся не «пропавшими без вести», но «попавшими в плен», однако обстоятельства остаются неизвестными. После окончания боевых действий японцы продолжали утверждать, что Георгий Еретин перешел на их сторону добровольно. Он был передан СССР только при втором обмене пленными в апреле 1940 года и, вероятно, расстрелян во второй половине 1940 или в начале 1941 года. Филипп Самойлов из плена не вернулся. Возможно, это означает, что он оказал сопротивление и был убит при пленении, так как 4-й танковый полк в своем донесении в штаб группы генерал-лейтенанта Ясуока Масаоми доложил о захвате только одного пленного связиста.²¹

К 8 июля кадровые части 57-го особого корпуса — 11-я танковая бригада, полки 36-й мотострелковой дивизии (24-й и 149-й) и 7-я, 8-я и 9-я мотобронебригады — понесли серьезные потери. Кроме того, порочная практика действий «отрядами», а не частями как единым целым, привела к расстройству системы управления и снабжения. Командование корпуса в лице комдива Г.К. Жукова начало вводить в бой подходящие из СССР форсированным маршем новые соединения — 5-ю моторизованную стрелково-пулеметную бригаду и 82-ю стрелковую дивизию. Эти части были развернуты из кадра в июне и, в значительной степени, были укомплектованы красноармейцами и

²⁰ РГВА ф.32113 оп.1 д.381 л.54.

²¹ Cooh, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 393.

командирами, призванными из запаса и не имевшими должной подготовки. Результатом стала единственная в истории Халхингольской войны массовая сдача в плен — по всем правилам, с белым флагом.

До начала Халхингольской войны 5-я моторизованная стрелково-пулеметная бригада 20-го танкового корпуса дислоцировалась у станции Борзя. Бригада содержалась по штатам мирного времени, но даже по этим штатам имела значительный некомплект. 2 июля, с обострением положения на халхингольском фронте, ее в течение одного дня укомплектовали резервистами до штатов военного времени и отправили в Монголию. Подготовка бригады к выступлению велась поспешно, водители грузовиков поступили из приписного состава в 22.00 2 июля, а в полночь бригада уже выступила на фронт — с неподготовленными и необкатанными машинами и на 2/3 новым личным составом, не изученным командирами частей и подразделений. Вдогонку 3 июля на пополнение бригады было отправлено пять стрелковых рот 601-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии, практически полностью укомплектованных резервистами. Для ускорения движения боеприпасы на руки личному составу выдавались в движении, личный состав практически всю дорогу не получал горячей пищи из-за отставших кухонь. 800-километровый марш занял почти четверо суток и к 20.00 6 июля бригада достигла Тамцак-Булака. Следующим утром, в 8.00 7 июля, штаб получил приказ выступить в район боевых действий и к полудню соединение сосредоточилось в 10-12 километрах от реки Халхин-Гол. Отдохнуть не дали и здесь. В 8.00 8 июля бригаде было приказано немедленно форсировать реку. Подходящие к переправе колонны измотанных шестью днями марша стрелково-пулеметных батальонов 5 МСПБр — 162-го, 165-го и 169-го — сразу попали под артиллерийский обстрел с одновременной бомбардировкой с воздуха и переправиться не смогли. Для приведения в порядок их пришлось отводить от реки. Вторая попытка переправы, произведенная после выданного красноармейцам обеда, была удачной — колонны бригады переправились, хотя и понесли потери от артиллерии и бомбардировщиков противника.

На восточном берегу Халхин-Гола 5-я стрелково-пулеметная бригада должна была сменить потрепанные батальоны 7-й, 8-й и 9-й мотобронепулеметных бригад и занять участок между 24-м и 149-м мотострелковыми полками 36-й дивизии. Однако после пересечения реки штаб бригады фактически потерял управление батальонами и с вечера 8 июля командиры батальонов действовали по своему разумению, исходя из полученных ранее инструкций.

В третьем батальоне бригады — 169-м отдельном моторизованном стрелково-пулеметном батальоне, которым командовал капитан Николай Казаков, это выглядело так. Всю ночь командный состав батальона, не имевший сведений ни о положении своих частей, ни о противнике, ни о местности, *«ходил с ротами разыскивая части, которые приказано было сменить»*.

Связи со штабом бригады не было, не было ее и внутри батальона, так как начальник связи батальона лейтенант Шумко «*в силу своей трусости отошел в тыл со связью*». Единый непрерывный фронт батальону создать не удалось. Роты были разбросаны между подразделениями бронебригад, отводившихся со своих участков обороны на отдых. Позиции были заняты только к 6 часам утра, вскоре японцы открыли артиллерийский огонь по позициям 2-й роты; к 10 часам в роте было двое убитых и трое раненых. Связь с тылами была утеряна, поэтому ни вечером 8 июля, ни в течение всего дня 9-го, личный состав 169-го батальона накормлен не был. Тем не менее, в 16 часов 9 июля, выполняя ранее полученный приказ, батальон перешел в наступление. Приказ на наступление отдавал начальник штаба старший лейтенант Попов — комбат Казаков находился в одной из рот. Наступление батальона развивалось относительно успешно, однако, потеряв контакт с соседями, а затем попав под обстрел и понеся потери, батальон отошел назад в барханы, где и занял оборону. Командир батальона на исходную позицию не вернулся, начальник штаба был ранен и в командование батальоном вступил лейтенант Петренко. Только утром 10 июля ему удалось восстановить связь с бригадой, подтянуть тылы и накормить бойцов.

Тем временем, в нескольких километрах перед фронтом окопавшегося в барханах батальона, к вечеру 9 июля вокруг комбата собралась группа отбившихся от разных подразделений страдающих от жажды голодных и уставших красноармейцев. Первоначально группа состояла из 14 человек (капитана Казакова, одного младшего командира и 12 рядовых). Казаков повел их в сторону позиций 162-го батальона. В темноте группа наткнулась на японскую заставу и, после небольшой перестрелки, отошла. Ночь провели в степи, опасаясь двинуться дальше. Здесь группа потеряла красноармейца Николая Митрофанова, он ушел разыскивать свою часть самостоятельно и вскоре был взят в плен японцами. С рассветом комбат выслал на разведку пути красноармейца Спиридона Аликина. Вернувшись из-за сопки, Аликин доложил, что видел трех японцев и телефонный кабель. Группа свернула в сторону и двинулась дальше. Именно в этот момент Казаков приказал Аликину снять свою нижнюю белую рубашку и повесить ее на штык своей винтовки. Спиридон Аликин, после пререканий, это приказание выполнил. Пройдя около трех километров, группа вновь натолкнулась на японцев и была обстреляна. Младший командир и один из красноармейцев были убиты, а капитан Казаков и красноармеец Некрасов ранены. Аликин сбросил со штыка рубашку, однако «малодушный капитан» нацепил рубашку на штык своей винтовки и поднял ее вверх, показывая, что группа сдается в плен. Японцы прекратили огонь. Первым бросил свою винтовку Тимофей Бакшеев; он с поднятыми руками направился к японцам. Остальные — Спиридон Аликин, Петр Панов, Влас Азанов, Виталий Завьялов, Александр Бизяев, Яков Тиунов и Иван Тиунов остались на ме-

сте и, не оказывая сопротивления, сдались в плен четверым подошедшим японским солдатам.²² У сдавшихся немедленно отобрали оружие, затем связали, избили и отвели в штаб. В штабе Казаков сдал японцам документы и карту и, согласно материалам следствия, вероятно, почерпнутым из неприятельской прессы, заявил: *«Хотел привести вам всю роту, а удалось привести только 13 человек»*.²³ На следующий день, поздним вечером 11 июля, группа Казакова (и, вероятно, еще несколько красноармейцев, плененных 7-11 июля) была продемонстрирована японским и иностранным журналистам.

Иностранный корреспондентский корпус при штабе 23-ей пехотной дивизии был довольно представительным. С начала или с середины июня здесь находились сотрудники ряда японских газет и корреспондент «Рейтерс» Морис Д'Альтон (по выражению исследователя советско-японских конфликтов Элвина Кукса — «платный пропагандист Квантунской Армии»). 4 июля, после публикации первых известий о начале японского наступления, из Токио в Сынцзин, столицу Маньчжоу-Го, вылетела группа из 6 иностранных журналистов, в числе которых были американцы Рассел Брайнс («Associated Press») и Джон Моррис («Life»), итальянец Витторио Алесси («Corriere della Sera»), немец Вернер Кроум («Hamburger Fremdenblatt») и «француз» Бранко Вукелич — токийский корреспондент «Гавас» и югославской газеты «Политика», а также, по совместительству, с 1933 года сотрудник резидентуры Разведуправления РККА в Японии, которой руководил Рихард Зорге. Из Сынцзина группа выехала в Хайлар и 10 июля выехала на фронт, где была тепло принята в штабе 23-ей пехотной дивизии. Встречу журналистов с пленными группы Казакова описал в своей корреспонденции Джон Моррис:

«12 русских пленных были приведены к корреспондентам для вопросов. Французский корреспондент свободно говорящий по-русски разговаривал с русскими пленными лично, а затем переводил их ответы другим корреспондентам. Пленные ответили ему, что они резервисты и были призваны к своим пунктам 29 мая в городе Перми. Там им сказали, что их вызывают для участия в маневрах. Пленные неодобрительно отзывались о советском режиме и поносили советских руководителей за плохую заботу о советских солдатах...»

²² Выявленные документы не позволяют выяснить судьбу красноармейца Некрасова. При обмене пленными он возвращен не был; предположительно раненый Некрасов был убит японскими солдатами сразу после пленения или умер в плену.

²³ Обстоятельства пленения группы Казакова восстановлены по материалам следствия, приговору и другим материалам, см. РГВА ф.9 оп.29 д.511 л.98-100; ф.9 оп.36 д.3541 л.156-159, 230-234, ф.32371 оп.1 д.7 л.58-59.

Похожие сведения были опубликованы Д'Альтоном:

*«Ночью я говорил с группой советских пленных из 16 человек, захваченных вчера. Все они крестьяне, резервисты из Перми. Они заявили, что их 29 мая без всяких объяснений о причинах их вызова бросили прямо в бой. Когда они были окружены и обстреляны огнем японских тяжелых пулеметов, капитан сказал им, что бесполезно сопротивляться и посоветовал помахать белой рубашкой. Сам капитан был тяжело ранен при окружении и сегодня утром ему ампутировали ногу».*²⁴

Публикации Вукелича не отличались принципиально от остальных и особой ценности не представляют. Гораздо интереснее, что именно он сообщил в Москву, однако эти документы найти пока не удалось...

Сведения, поступившие от резидентуры Зорге и публикации в прессе дали советскому военно-политическому руководству серьезные основания для беспокойства. Замаячил призрак Первой мировой войны, в ходе которой армия Российской Империи, в основном в результате массовой сдачи в плен, потеряла в 2,6-3,9 раза больше солдат и офицеров, чем убитыми и пропавшими без вести.²⁵ История русско-японской войны 1904-1905 годов также не добавляла оптимизма. Общая численность русских военнопленных в этой войне составила 74 369 человек — в 1,4 раза больше безвозвратных потерь армии убитыми и умершими от ран и болезней. Повторение массовых сдач в плен означало крах двадцатилетней работы по созданию «новой армии» и, в перспективе, возможное поражение. Сообщения иностранной прессы вызвали в середине июля поток шифротелеграмм из Москвы в штаб 57-го корпуса с требованием немедленно разобраться в причинах большого количества пропавших без вести и подтвердить или опровергнуть поступающие данные о массовых сдачах в плен. В результате такого давления штаб корпуса существенно улучшил учет потерь, особенно в 82-й стрелковой дивизии и 5-й моторизованной стрелково-пулеметной бригаде, и к началу августа число пропавших без вести сократилось на 535 человек. Более половины пропавших без вести (321 человек!) нашлись в своих частях, из числа остальных 38 были найдены убитыми, 167 оказались в госпиталях, 18 тем или иным образом попали не в свои части и еще 1 — вернулся с территории противника.²⁶ Фактов массовой сдачи в плен расследование, однако, не выявило.

²⁴ РГВА ф.32113 оп.1 д.291 л.94-95.

²⁵ Точно число потерь России в Первой мировой войне остается предметом дискуссий. Здесь для расчета использованы данные Генерального Штаба от 3 октября 1917 года и данные Центрального статистического управления СССР 1925 года.

²⁶ РГВА ф.37977 оп.1 д.60 л.43.

Анализ имеющихся документальных данных подтверждает полное отсутствие групповых сдач в плен в период после 10 июля 1939 года. Даже неудачный ввод в бой 9 июля совершенно неподготовленного к бою 603-го полка, сопровождавшийся неоднократным оставлением ротами и батальонами своих позиций, самострелами, убийством командиров, не закончился массовой сдачей в плен. 10-13 июля японцам удалось захватить лишь порядка пяти красноармейцев этой части.

Отражение японского наступления в период со 2 по 13 июля оказалось наиболее тяжелой для РККА фазой конфликта. Именно в этот период японцами было захвачено более половины советских пленных Халхингольской войны. 14 июля японское наступление, вследствие тяжелых потерь пехоты, фактического разгрома 3-го и 4-го танковых полков, слабости артиллерии и упорного сопротивления русских, выдохлось окончательно. При этом сложилась парадоксальная ситуация — обе стороны, заявляя о победе, на уровне местного командования считали сражение проигранным. В результате японцы остановили наступление и начали подтягивать из восточных районов Маньчжурии артиллерийские части, а деморализованное неудачами (и, особенно, оставлением позиций батальонами 603-го полка) командование 57-го корпуса — комдив Г.К. Жуков и командарм 1-го ранга Г.И. Кулик — начало отводить части на левый берег Халхин-Гола. При этом японская разведка, на всем протяжении боев постоянно докладывавшая об отступлении противника, не заметила *реального* отхода частей, что, в известной степени, спасло положение — так как, в случае закрепления японцев по всему правому берегу Халхин-Гола, выдавить их оттуда было бы непросто. Так или иначе, после прямого вмешательства Ворошилова и Шапошникова оборона на правом берегу была восстановлена и на фронте установилось десятидневное затишье.

Следующую попытку генерального наступления японцы предприняли 25-26 июля. Наступление было успешно (и относительно легко) отбито и фронт стабилизировался на три с половиной недели. В этот период шли лишь бои за улучшение позиций и поиски разведчиков. Число пленных с обеих сторон было незначительным — иногда захватывались связисты, летчики со сбитых самолетов, оставшиеся на нейтральной полосе раненые и вытаскивавшие их санитары. Несколько красноармейцев были захвачены при ночных нападениях в траншеях во время целенаправленных вылазок японской войсковой разведки, пытавшейся установить состав частей на фронте и определить вероятность советского контр наступления. Именно так, в качестве «языка», попал в плен красноармеец 602-го стрелкового полка Андрей Колчанов:

«...Я в ночь на 29 июля с.г. был ударен самураями по голове, придавив к земле, завернув мне руки назад, я чувствовал нестерпимую боль.

Связав руки веревкой, через некоторое время руки потеряли всякое чувство. Завязав глаза, был уведен в штаб. Во время дороги почти при всякой попытке они потыкая, дергая и снова вели...».

В целом, число красноармейцев и командиров, взятых в плен за месяц, предшествовавший августовскому наступлению, составило около десяти человек.

В ходе советского наступления 19-29 августа, завершившегося разгромом 23-ей пехотной дивизии и подчиненных ей частей, количество пленных также было небольшим. В большинстве случаев красноармейцы, взятые в плен окруженными частями, немедленно убивались. Так, например, случилось, когда 22 августа несколько танков 130-го отдельного танкового батальона 11-й танковой бригады в японском тылу выскочили на артиллерийские позиции и были в упор расстреляны 75-мм пушками. Из числа их экипажей не менее шести танкистов (командир взвода Александр Нечаев, старшина Василий Абиленцев, младший комвзвод Петр Самойлов, отделенные командиры Петр Павлуша и Леонид Гловацкий, красноармеец Николай Капитонов) были взяты в плен и убиты (в списке потерь батальона против их фамилий значится — «взят в плен и замучен»).²⁷ Шанс пережить плен был только у тех, кто был схвачен до того, как сомкнулось кольцо окружения. Из числа плененных взятых японцами после 24 августа, вернулись из плена лишь красноармейцы, захваченные на внешней стороне этого кольца. Общие потери РККА пленными в ходе августовского наступления оценить практически невозможно. Можно предполагать, что их было около 20–30 человек, из которых вернулось менее половины.

После стабилизации линии фронта в начале сентября, случаи попадания в плен были единичными, в этот период японцами были захвачены двое пехотинцев и один летчик-истребитель, старший лейтенант Максим Кулак.

Оценивая причины «наличия такого большого количества пленных», политические органы 1-й Армейской Группы пришли к заключению, что это явление можно объяснить лишь слабой воспитательной работой среди красноармейцев в отношении разъяснения смысла военной присяги. «Не было внедрено в сознание каждому бойцу и командиру понятий того, что нет ничего позорнее, как сдаться в плен живым. Плен — это измена Родине, предательство, нарушение присяги, за что каждый карается со всей строгостью революционной законности». ²⁸ Также анонимный автор выводов сетовал на слабость воспитательной работы по разъяснению «конкретных фактов зверства противника по отношению к пленным» и недостаточную популяризацию «героизма наших воинов, попавших в трудную обстановку, которые не

²⁷ РГВА ф.32210 оп.1 д.148 л.145; д.212 л.235.

²⁸ РГВА ф.32113 оп.1 д.75 л.325.

пожалели свои жизни, но живыми не сдались». Сдача в плен группы Казакова и случаи перехода на сторону противника с «японскими контрреволюционными листовками» были объяснены «притуплением бдительности в отдельных частях» и «слабой работой по изучению людей». «Внезапные одиночные попадания в плен» вполне справедливо объяснялись плохо организованной связью между подразделениями, плохо организованной разведкой и плохой информацией о положении противника и своих войск.

Согласиться с этими выводами можно лишь отчасти. Действительно, спешное доукомплектование приписным составом брошенных на фронт ранее кадрованных частей, производилось без должного изучения резервистов. Вследствие этого в отправляемых в Монголию частях оказалось довольно много слабо подготовленных резервистов старших возрастов. В некоторых случаях отправлялись запасники, имевшие судимости — в основном по общеуголовным и хозяйственным преступлениям, так как лица с контрреволюционными статьями были, в большинстве своем, изъяты из частей до пересечения границы. Тем не менее в частях оставалось немало красноармейцев, негативно относившихся к власти. Так, например, в 6-й батарее гаубичного артиллерийского полка 82-й стрелковой дивизии красноармеец Невидицын говорил: *«Я и сейчас питаю злобу на советскую власть, т.к. нас лишили избирательных прав неправильно»*. На вопрос, что он будет делать, если попадет в плен, Невидицын ответил: *«если там будет лучше, останусь там»*.²⁹ Вполне естественно, боеспособность и лояльность советской власти частей, укомплектованных резервистами с такими настроениями, могла оказаться весьма относительной. Руководство Наркомата Обороны, отправляя на фронт части, укомплектованные приписниками, предписывало Жукову не вводить их в бой до всестороннего изучения и дополнительной подготовки. Теоретически эти части должны были быть менее устойчивыми в бою (что и произошло), а количество пленных из резервистов должно было быть существенно больше, чем из красноармейцев кадра.

Статистический анализ данных обстоятельств пленения военнослужащих РККА на Халхин-Голе приводит к совершенно иным выводам. Не менее трети из них были захвачены в плен ранеными, обожженными, контуженными, иногда в бессознательном состоянии. В эту же категорию можно отнести авиаторов, выбросившихся с парашютом из сбитых над территорией противника самолетов и танкистов, покинувших выведенные из строя танки в глубине неприятельской обороны. Незначительное число красноармейцев было захвачено японской войсковой разведкой в качестве «языков», вследствие плохой организации боевого охранения. В конечном итоге, более чем половине попавших в плен красноармейцев и командиров обвинение в нарушении присяги быть предъявлено не могло и, в большинстве случаев, не предъявлялось.

²⁹ РГВА ф.32113 оп.1 д.75 л.297.

Сопоставление имеющихся данных об обстоятельствах пленения с оперативными документами частей показывает, что наибольшее число случаев попадания в плен относится к первым или вторым суткам пребывания части в непосредственном соприкосновении с противником. К третьему дню, несмотря на усталость и потери, устойчивость части существенно возрастала и в дальнейшем потери пленными были единичными и статистически случайными. Для поступающего в часть пополнения вероятность попадания в плен в первые дни пребывания на фронте тоже была более высокой. При этом разница в потерях пленными между кадровым и приписным составом частей оказывалась в пределах статистической погрешности — резервисты попадали в плен не реже и не чаще чем красноармейцы срочной службы.

Изучение обстоятельств пленения красноармейцев в наиболее тяжелый период боевых действий (со 2-го по 14 июля) показывает, что вероятность пленения существенно возрастала в тех частях, где штабам не удавалось организовать нормального питания и минимального отдыха бойцов и командиров. Однако и здесь отбившиеся от своих частей солдаты в большинстве своем не спешили сдаваться в плен, но, упорно пробирались на запад, к Халхин-Голу. Лишенная растительности открытая местность этому не благоприятствовала, передвигаться можно было лишь в понижениях между поросшими невысокой травой барханами, песок затруднял движение, а полное отсутствие источников воды в сочетании с палящим июльским солнцем быстро изматывало солдат. Некоторые пытались отсидеться в заросших камышом понижениях рельефа до подхода своих частей; иногда это удавалось. Но, в большинстве случаев, отбившимся от своих частей не удавалось скрываться в степи более двух суток, к исходу которых они, без воды и пищи, оказывались совершенно обессиленными и реального сопротивления оказать не могли.

Точное количество военнослужащих РККА и МНРА, попавших в плен в ходе халхингольской войны неизвестно и на основании доступных данных установлено быть не может. Причин этому несколько.

В течение войны обе стороны неоднократно публиковали отрывочные сведения о взятых в плен военнослужащих противника и, в некоторых случаях, их фамилии. Полных списков, однако, опубликовано не было, а напечатанные в прессе имена и фамилии искажались до полной и абсолютной неузнаваемости; кроме того, в целях пропаганды иногда публиковались и ложные сведения.

Первичные данные учета пленных штабами японских частей остаются недоступными, за исключением отрывочных сведений, содержащихся в боевых донесениях и историях частей,³⁰ поэтому невозможно определить,

³⁰ Частично эти данные использованы Элвином Куксом, однако анализ списка изученных им японских оперативных документов позволяет сделать заключение о неполноте корпуса источников.

сколько пленных фактически были доставлены в штаб 23-ей пехотной дивизии. Дневник командира дивизии генерал-лейтенанта Комацубара Мититаро содержит отдельные отрывочные сведения о численности захваченных пленными на некоторые даты, однако полных сведений в нем также нет. Кроме того не ясно, учитывались ли по 23-ей дивизии пленные, взятые частями, формально не входившими в ее состав, но подчиненные ее штабу (3-й и 4-й танковые полки, 8-й пограничный гарнизон и части армии Маньчжоу-Го).

Для периода майских боев («первого Номонханского инцидента» в японской терминологии) сведения о численности пленными, содержащиеся в известных японских документах и опубликованные в прессе, вполне коррелируют с советскими документами. Однако в июле японские данные становятся отрывочными, а в августе-сентябре новые сведения, возможно в связи со снижением количества пленными, не появляются совсем. Поэтому для анализа и сопоставления со сведениями, содержащимися в документах следствия, приговорах и переписке (и позволяющими установить даты пленения для большинства возвратившихся из японского плена — 72 человек из 82) остаются доступными лишь июльские сообщения.

Согласно разведывательной сводке № 38 Генерального Штаба Императорской Армии от 15 июля, за период с 1 по 15 июля было захвачено в плен 40 человек.³¹ Эта цифра в целом соответствует советским данным, если предполагать, что она фактически отражает число пленными по состоянию на вечер 13 июля, так как трое пленными, захваченных 13 июля еще не были доставлены из частей и сведения о них не были доложены в Синьцзин и далее в Токио. Также неплохо коррелирует с советскими данными донесение группы генерал-лейтенант Ясуока Масаоми о захвате в ходе боевых действий на правом берегу Халхин-Гола 32 пленными за период со 2 по 10 июля.³²

Дневник Комацубара в записи от 28 июля содержит сведения о 54 военнопленных, учтенных штабом 23-ей дивизии с момента начала конфликта.³³ Эти сведения уже заметно противоречат советским данным — к 28 июля в японском плену могло находиться от 55 до 62 советских военнопленных и не менее 10 цириков МНРА. Рационального объяснения занижению численности пленными на 11-18 человек не имеется, можно лишь предполагать, что либо автор использовал неполные сведения, либо какая-то категория военнопленных не была им учтена — например, часть пленными могла быть учтена как «перебежчики».

³¹ *Coox, Alvin D.* Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 651.

³² *Coox, Alvin D.* Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 427.

³³ *Coox, Alvin D.* Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 544.

Почти одновременно с записью, сделанной Комацубара, также 28 июля 1939 года, японское информационное агентство «Домэй Цусин» опубликовало коммюнике, выпущенное 28 июля в 15.00 штабом Квантунской Армии. Согласно этому официальному заявлению, в период с начала конфликта по 27 июля включительно, японскими и маньчжурскими частями было пленено 90 человек — 80 русских и 10 монголов.³⁴ Если в отношении монгольских военнопленных названная цифра вполне может быть верной, то для численности военнослужащих РККА она представляется завышенной. Разница в 18-25 человек может быть объяснена либо смертностью в плену, либо ошибками суммирования первичных сведений из донесений (такой случай доказан для учета сбитых советских самолетов), либо включением в список пленных интернированных лиц, содержащихся в одном лагере с пленными. В любом случае, здесь скорее можно предполагать добросовестное заблуждение, нежели злой умысел.

В общей сложности из числа советских и монгольских военнослужащих, плененных в ходе халхингольской войны, тем или иным образом вернулось 92 человека. Из их числа:

	РККА	МНРА	Итого:
Возвратились через линию фронта с разведывательными и диверсионными заданиями в период с 8 по 16 июля 1939 г.	3	нет	3
Переданы при обмене военнопленными 27 сентября 1939 г.	77	10	87
Переданы при обмене военнопленными 27 апреля 1940 г.	2	нет	2
Всего:	82	10	92

Примечания:

1. Согласно первому донесению об обмене военнопленными (шифротелеграмма Жукова Ворошилову № 1602 от 28 сентября 1939 г.)³⁵ японцами было передано 88 человек (78 военнослужащих РККА и 10 военнослужащих МНРА). Эта же цифра содержится и в неподписанной справке,³⁶ подготовленной не позднее 7 октября 1939 года для Ворошилова, но анализ текста этого документа позволяет заключить, что он подготовлен на основе названных выше шифротелеграмм и воспроизводит все их ошибки (например ошибки в написании фамилий). В донесении комиссии по опросу советских военнопленных названы фамилии лишь 77 человек военнослужащих РККА. По японским данным³⁷ советским представителям было передано 87 военнопленных. По-видимому именно эту цифру и следует считать верной.

2. В названной шифротелеграмме Жукова упоминается 10 возвращенных из плена монгольских солдат. Однако согласно докладу главного инструктора Политуправления МНРА бригадного комиссара Воронина японцами было передано 9 человек. Документальных данных, разъясняющих причину такого расхождения в цифрах, не выявлено.³⁸

³⁴ РГВА ф.37977 оп.1 д.136 л.142.

³⁵ РГВА ф.37977 оп.1 д.78 л.47-49; входящий номер № 28950/ш.

³⁶ РГВА ф.33987 оп.3 д.1207 л.110, 111, 114.

³⁷ Coox, Alvin D. *Nomonhan. Japan Against Russia*. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, pp. 930, 1160.

³⁸ РГВА ф.32113 оп.1 д.75 л.349.

Советские военнослужащие, вернувшиеся из плена, принадлежали:

Части	КНС	МКС	РС	Итого:
36-я мотострелковая дивизия (в/ч 7202)				
24-й мотострелковый полк (в/ч 5981)	нет	нет	1	1
149-й мотострелковый полк (в/ч 5987)	нет	1	16	17
175-й моторизованный артиллерийский полк (в/ч 7219)	нет	1	2	3
Итого по дивизии:	нет	2	19	21
57-я стрелковая дивизия (в/ч 6511)				
170-й (127-й) стрелковый полк (в/ч 6526)	нет	нет	2	2
171-й (293-й) стрелковый полк (в/ч 7250)	нет	нет	1	1
Итого по дивизии:	нет	нет	3	3
82-я стрелковая дивизия (в/ч 6567)				
601-й (72-й) стрелковый полк (в/ч 601)	нет	нет	1	1
602-й (210-й) стрелковый полк (в/ч 602)	1	нет	2	3
603-й (246-й) стрелковый полк (в/ч 603)	1	нет	13	14
Итого по дивизии:	2	нет	16	18
152-я стрелковая дивизия (в/ч 6607)				
480-й стрелковый полк (в/ч 722)	нет	нет	1	1
Итого по дивизии:	нет	нет	1	1
5-я моторизованная стрелково-пулеметная бригада (в/ч 8957)				
162-й отдельный стрелково-пулеметный батальон (в/ч 8969)	нет	нет	1	1
169-й отдельный стрелково-пулеметный батальон (в/ч 8994)	1	нет	10	11
Итого по бригаде:	1	нет	11	12
11-я танковая бригада (в/ч 8787)				
16-й отдельный танковый батальон (в/ч 8789)	нет	1	Нет	1
24-й отдельный танковый батальон (в/ч 8799)	нет	1	1	2
45-й отдельный танковый батальон (в/ч 8811)	нет	2	1	3
175-й отдельный стрелково-пулеметный батальон (в/ч 9114)	нет	2	3	5
Итого по бригаде:	нет	6	5	11
7-я мотобронева бригада (в/ч 6657)				
247-й отдельный мотобронева батальон (в/ч 9415)	1	нет	Нет	1
193-й отдельный стрелково-пулеметный батальон (в/ч 4379)	нет	нет	2	2
Итого по бригаде:	1	нет	2	3
8-я мотобронева бригада (в/ч 9458)				